

«В искусстве надо работать, только понимая, что в тебе к чему...»

Мария СМЕРНОВА, «Казахстанская правда»

Искендир принес в редакцию две свои фотографии. На первой неясное пятно на белой стене позади него самого показало мне с моим несто процентным зрением дефектом пленки. Он видел в нем какое-то лицо. На второй, что уже разглядела я, было что-то интересное. Вокруг головы словно слабо светящаяся «подушка» — аура. И уже два лица. Можно было увидеть над одним и высокую женскую прическу. Искендир сказал, что фотографии очень плохо проявлялись. Он носил их к уфологам, и те, в свою очередь, тоже что-то в них нашли.

Наш разговор с Искендиром Абжановым состоялся перед его отъездом в Красноярск. В 28 лет достигнуть чего-то могут только гении или неисправимые «везунчики», которые всегда вытаскивают нужную карту. Насчет первых — не знаю, настоящему таланту оценку всегда дает время. Ко вторым Искендир до недавнего времени не относился. Всего привык добиваться сам, а тут вдруг подфартило. Нашелся человек, которому до него было дело. Нет, в жизни всегда была семья, мама. А вот в творчестве — одиночество. Искендир Абжанов, бывший студент Казахской государственной консерватории, ныне студент консерватории в Красноярске.

— Искендир, давай начнем с неоригинального — как ты пришел в музыку!

— Я вообще по натуре человек «смурной», очень мало разговариваю. То, что еще в яслях начал пробовать петь, а потом в школе сочинял и пел для себя, не знал никто — стеснялся. В армии пел, танцевал индийские танцы. Девять лет занимался каратэ, но бросил. Пение — тоже очень сильная физическая нагрузка.

— После школы сразу выбрал музыку!

— Нет, я очень хотел научиться хорошо готовить. И закончил кулинарное училище. И работал потом по специальности. А после армии решил поступать уже в музыкальное училище. Мама очень удивилась и не верила в успех. Поступал три года. Один раз во время экзаменов мне предложили идти работать по специальности, поваром.

— Но все-таки ты попал в музыкальную среду!

— Удалось поступить на подготовительное отделение консерватории. Здесь и с нотами познакомился впервые. Два года на подготовительном, потом три года в классе Е. Б. Серкебаева. Не все мне там нравилось, но как-то Ермак Бекмухамедович мне сказал: «У тебя есть то, чего нет у меня».

Естественно, пробовал себя в конкурсах. В течение прошлого года в трех. Сначала республиканский конкурс вокалистов им. К. Байсейитовой. Стал дипломантом.

Искендир принес номер газеты «Огни Алатау» со статьей об этом конкурсе, где упоминалось и о нем: «Заставляющий слушать себя и смеяться на себя Искендир Абжанов, которому был присужден всего лишь диплом. Этим «всего лишь» я выражаю свою точку зрения, хоть и не оспа-

риваю решения авторитетного жюри. Исключительного тембра голос, бережное отношение к слову, эlegantность, глубина переживаемого чувства, своеобразная, как бы «нахмуренная» пластика и, конечно же, музыкальность. Феруччо Бузони, один из величайших музыкантов прошлого, не любил этого слова. Он говорил, что музыкальным бывает только инструмент. Если бы я не остерегался парадоксов, то сказал бы, что Абжанов музыкант, как музыкальный инструмент».

Потом межрегиональный конкурс в Ашгабате. Сразу за ним Москва, XIV Всесоюзный конкурс вокалистов им. Глинки. Съездить-то съездил, а участвовать не пришлось, заболел. Помогал в организации конкурса, получил автографы И. Архиповой, Л. Сметанникова.

После конкурса был показательный урок. Меня слушала Екатерина Константиновна Иоффель. Можно перечислить ее титулы: заслуженный деятель искусств РСФСР, профессор консерватории в Красноярске. Но можно просто сказать, что она преподаватель Д. Хворостовского.

— Это компенсировало твоё неучастие в конкурсе!

— Конечно. Ей понравился мой голос. Только она не согласилась с мнением моего преподавателя. Мне определили в нашей консерватории мой голос как бас. А Иоффель считает, что у меня баритон. Это настоящая беда вокалистов во всем нашем бывшем Союзе, когда неправильно ставят голос. Определить его очень сложно, на это могут уйти годы. Но ты веришь преподавателю с его опытом. У меня почему-то начало болеть горло, появились разные ангины и ларингиты. Может быть, оттого, что я неправильно занимался,

не тем. Екатерина Константиновна согласилась взять меня к себе.

— Это было сложно!

— Здесь — нет. Меня отпустили спокойно, все-таки такая школа. Но у самой Иоффель уже есть группа из десяти человек, к тому же на ее попечении больной престарелый муж, а ей самой около семи-десяти.

— Не жалко уезжать!

— Конечно, жалко. Я почти никогда не уезжал надолго из Алма-Аты, здесь у меня остается мама. Но там учиться стоит. Сейчас я опять вернусь на третий курс, но после него мне уже предлагают петь в театре. Сюда я хочу вернуться, и постараюсь.

После нашего разговора я интересовалась мнением об Искендире в консерватории. Здесь так и не пришли к единому мнению о характере его голоса. Кто прав в этом споре, покажет только время и сам Искендир вместе со своим новым преподавателем. Е. К. Иоффель написала после конкурса своему протеже: «В искусстве все решает работа, только работать надо умно, понимая, что в тебе к чему». Может быть, через несколько лет и у нас в Казахстане будет свой Хворостовский.

После учебы в престижном вузе и практики в престижном театре Искендир хочет вернуться. Но пока для его успешной, да и вообще учебы, нужны средства. Которых, по традиции, нет. Курултай пока не закончился, не разъехались по своим повседневным проблемам люди, коих интересует национальная культура. Может быть, все-таки не дадут они, спонсоры, исчезнуть, пусть за ближней границей, молодому талантливому человеку!

